

Современный МІРЪ

МАЙ

1908

Дом Мухоморова
№ 229

СО Д Е Р Ж А Н І Е .

	СТР.
1. ПОДВИГЪ. (Окончаніе). Романъ А. Федорова	1
2. Стихотвореніе * * Евг. Тарасова	44
3. Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ , въ годы ученія и на пути въ университетъ. Евг. Ляцкаго	45
4. Николай Ленау. Съ нѣмецкаго. Стих. 1) МОЛЬБА . 2) ЗАКАТЪ . Перев. К. Бальмонта	76
5. ПУСТЫНЬКА . Разсказъ. Д. Мамина-Сибиряка	77
6. Изъ <i>Châtiments</i> В. Гюго . ВЕСЕЛАЯ ЖИЗНЬ . О. Чюминой	112
7. ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ СОЦІАЛИЗМА . Очеркъ второй. М. Бернацкаго	115
8. БЕЗЪ РОДИНЫ . (Изъ финляндскихъ мотивовъ). О. Ковальской	153
9. ЛАСКОВОЙ ЛѢТНЕЙ ПОРОЙ .. Крошечный романъ Кнута Гамсуна . Пер. съ норвежскаго Ф. Тираспольской . 162	162
10. ИЗЪ МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ . Годы солдатской ссылки. (1851—1857). Д. Ахшарумова	175
11. ГОЛОСЪ КРОВИ . (<i>Zwischen den Rassen</i>). (Продолженіе). Романъ Генриха Мана . Переводъ съ нѣмецкаго М. Славинской и Р. Ландау	209
—	
12. НАЦІОНАЛЬНЫЙ ВОПРОСЪ . М. Панина	1
13. ПО ПОВОДУ КНИГИ ЛЮТГЕНАУ . Францъ Лютгенау.—Естественная и соціальная религія.— Г. Плеханова	19
14. А. И. ЭРТЕЛЬ . К. Левина	29
15. ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОТКЛИКИ . О критикѣ и объ одномъ критическомъ недоразумѣніи. („Литературный Распадъ“, критическій сборникъ.—„О вѣяніяхъ времени“, сборникъ.—„Зарницы“, сборникъ). Вл. Кранихфельда	36

16. ЗА РУБЕЖОМЪ. „Балканскій вопросъ“. **К. Вейдемюллера.** 52
17. НА РОДИНѢ. Предъ торжествомъ примиренія. **І. Ларскаго.** 68
18. ВОПРОСЫ ТЕКУЩЕЙ ЖИЗНИ. Трагедія дѣтской души.
Ник. Іорданскаго. 82
19. ИЗЪ МЕМУАРОВЪ Г-ЖИ ДЕ-БУАНЬ. Забѣтка. **Ч.** 94
20. БИБЛЮГРАФІЯ И КРИТИКА. *Сборникъ „Жизнь“.*—*А. Ярошко.* Разсказы.—*Вглорусовъ.* Въ старомъ домѣ.—*Виталій Танскій.* Femina variens.—*Григ. Новицкій.* Зажженныя бездны.—*Августъ Стриндбергъ.* Исповѣдь глупца.—*Избранныя произведенія русской поэзіи;* сост. В. Бончъ-Бруевичъ.—*Л. Ф. Пантелеевъ.* 1) Изъ раннихъ воспоминаній; 2) Изъ воспоминаній прошлаго; 3) Изъ воспоминаній прошлаго.—*М. Гершензонъ.* Исторія „Молодой Россіи“.—*Исторія Россіи въ XIX в.;* вып. 6—8.—*В. Ильинъ.* Развитие капитализма въ Россіи.—*Забастовки нефтепромышленныхъ рабочихъ* за первое полугодіе 1907 г.—*Гр. Ив. Толстой и Юлій Гессенъ.* Факты и мысли.—*Сборникъ статей:* Профессиональные союзы во Франціи. *И. Я. Гинцбургъ.* Изъ моей жизни.—*К. Черновъ.* Опера „Жизнь за Царя“
М. И. Глинки. 101
21. НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ
ДЛЯ ОТЗЫВА (по 20 апрѣля 1908 г.) 129
22. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

По поводу книги Лютгенау.

Франц Лютгенау. — Естественная и социальная религія. — Переводъ съ нѣмецкаго В. Величкиной. — С.-Петербургъ, 1908 г.

Не сознание опредѣляетъ собою бытіе, а бытіе опредѣляетъ собою сознание. Въ примѣненіи къ развитію человѣчества это означаетъ, что не „психика“ общественнаго человѣка опредѣляетъ собою складъ его жизни, а складъ его жизни опредѣляетъ собою его „психику“. Это намъ хорошо извѣстно въ настоящее время. Но это еще не значитъ, что намъ въ каждомъ данномъ случаѣ извѣстенъ тотъ процессъ, который приводитъ къ возникновенію данной психики на основѣ данной формы общественнаго бытія. Далеко нѣтъ! Очень и очень многія стороны этого многообразнаго процесса *только еще становятся предметомъ научнаго изслѣдованія*. Матеріалистическое объясненіе исторіи представляетъ собою *только методъ* къ познанію истины въ области общественныхъ явленій, а вовсе не конгломератъ готовыхъ, законченныхъ выводовъ. И кто хочетъ показать себя достойнымъ приверженцемъ этого метода, тотъ не можетъ ограничиться простымъ повтореніемъ того, что не сознание опредѣляетъ собою бытіе, а бытіе—сознание; тотъ долженъ, напротивъ, постараться выяснить себѣ, какъ же происходитъ на самомъ дѣлѣ это опредѣленіе сознания бытіемъ. А для этого нѣтъ другого пути, кромѣ изученія фактовъ и обнаруженія ихъ причинной связи.

Что касается, въ частности, *религии*, то и здѣсь, разумѣется, уже нельзя сомнѣваться въ томъ, что не сознание опредѣляетъ собою бытіе; но и здѣсь процессъ опредѣленія сознания бытіемъ еще остается для насъ во многихъ отношеніяхъ неяснымъ. Въ виду этого приходится привѣтствовать всякую серьезную попытку выясненія этого процесса. И въ свое время книга Фр. Лютгенау, — появившаяся на нѣмецкомъ языкѣ лѣтъ около четырнадцати тому назадъ, — несомнѣнно заслуживала большого вниманія со стороны всѣхъ тѣхъ, которые интересовались историческимъ матеріализмомъ. Но въ ней и тогда можно было указать многіе, весьма существенные недостатки; а теперь, когда книга, страдающая этими недостатками, оказывается, кромѣ того, довольно таки *устарѣвшей*, мы затруднились

бы отвѣтомъ, если бы г-жа Величина, — уже известная намъ, какъ серьезная и добросовѣстная переводчица, — спросила насъ, стоитъ-ли ей браться за переводъ этой книги: мы подумали бы, что, пожалуй, и не стоитъ.

Впрочемъ, на безрыбъ и ракъ рыба. На русскомъ языкѣ сочиненіе г. Лютгенау представляетъ собою почти unicum. Поэтому мы все таки рекомендуемъ его русскому читателю. И по той же причинѣ, мы не можемъ не пожалѣть о томъ, что г-жа Величина перевела книгу г. Лютгенау не такъ хорошо, какъ она перевела когда то фонъ-Поленца. Ея новый переводъ тяжелъ, а мѣстами и неудовлетворителенъ. Къ тому же онъ искаженъ множествомъ самыхъ досадныхъ опечатокъ. Это тѣмъ болѣе неудобно для читателей, чѣмъ менѣе знакомы они съ предметомъ, т. е. чѣмъ болѣе нуждаются въ руководствѣ.

Но перейдемъ къ содержанію книги. Филологъ по образованію г. Лютгенау задался похвальной цѣлью разработать вопросъ о возникновеніи и развитіи религіи съ точки зрѣнія историческаго матеріализма. Къ сожалѣнію, онъ не былъ достаточно даровитъ для того, чтобы хорошо выполнить свою задачу. Онъ даже не вполне уяснилъ себѣ, что это за штука: историческій матеріализмъ. Во взглядѣ на этотъ предметъ онъ не освободился отъ многихъ предразсудковъ. Онъ говоритъ: „Марксъ и Энгельсъ доказали ошибочность идеализма и основали діалектически-матеріалистическое міровоззрѣніе, по которому мы теперь въ экономическихъ условіяхъ видимъ фундаментъ какъ правовыхъ, такъ и нравственныхъ и религіозныхъ представленій“ (стр. 249). Но какъ же это такъ? Развѣ же *міровоззрѣніе* людей, — т. е. взглядъ ихъ на всю систему міра, — исчерпывается ихъ взглядомъ на отношеніе „экономическихъ условій“ къ правовымъ учрежденіямъ и нравственнымъ и религіознымъ представленіямъ? Другими словами: развѣ историческій матеріализмъ есть цѣлое міровоззрѣніе? Конечно, нѣтъ! Онъ — только часть міровоззрѣнія. Какого же міровоззрѣнія? Ну, понятно — какого: *матеріалистическаго*. Энгельсъ говоритъ, что онъ и Марксъ примѣнили матеріализмъ къ объясненію исторіи. Такъ оно и было на самомъ дѣлѣ. Но г. Лютгенау и слышать не хочетъ о матеріализмѣ, который онъ почему то называетъ „познавательнo-теоретическимъ“¹⁾ и по адресу котораго онъ, — на стр. 249, 250 (примѣчаніе), 252, 253 и нѣкоторыхъ другихъ, — наговорилъ цѣлую кучу самыхъ неудобоваримыхъ пустяковъ. По всему видно, что онъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о „познавательнo-теоретическомъ“ матеріализмѣ, и что онъ говоритъ о немъ со словъ тѣхъ самыхъ теологовъ, — или со словъ философовъ, находящихся подъ влияніемъ тѣхъ самыхъ теологовъ, — взгляды которыхъ онъ, разумѣется, отвергаетъ.

¹⁾ Курсивъ нашъ.

но сколько они распространяются на собственно историческую область и касаются религиозного вопроса. И это обстоятельство сильно вредит ему даже там, гдѣ онъ находится, можно сказать, у себя дома: въ разсужденіяхъ о религіи. Онъ думаетъ, напримѣръ, что „религія начинается на границѣ познанія или опыта“, и что „чѣмъ шире становится область познанія, тѣмъ уже — область религиознаго вѣрованія“ (стр. 247). Это можно признать вѣрнымъ лишь съ большой оговоркой. Дѣло въ томъ, что, когда область религиознаго вѣрованія оказывается значительно суженной подъ влияніемъ опыта, тогда на выручку религіи является та философія, которая учитъ, что наука и религія лежатъ въ совершенно различныхъ плоскостяхъ, такъ какъ религія имѣетъ дѣло съ потустороннимъ міромъ, а наука, опытъ,—только съ явленіями, и что, поэтому, расширеніе области опыта *не можетъ* сузить область религіи. И *поскольку* проповѣдь этой философіи вліяетъ на умы, *поскольму* область религиознаго вѣрованія перестаетъ суживаться подъ влияніемъ опыта. То правда, что философія этого рода могла возникнуть и пріобрѣсти вліяніе только при опредѣленной соціальной обстановкѣ, только на извѣстной стадіи развитія общества, раздѣленнаго на *классы*. Но это не измѣняетъ дѣла; напротивъ, анализъ вліянія этой философіи и ея отношенія къ религіи далъ бы г. Лютгенау возможность болѣе яркимъ свѣтомъ освѣтить связь между общественнымъ развитіемъ (причина) и исторической судьбою религиозныхъ вѣрованій (слѣдствіе). Г. Лютгенау не воспользовался этой возможностью. Онъ *и не могъ* воспользоваться ею по той простой причинѣ, что онъ не съ сумѣлъ отнестись критически къ той,—будто бы критической философіи, которую мы имѣемъ здѣсь въ виду. А не сумѣлъ — потому, что самъ попалъ подъ вліяніе этой философіи. Ея вліянію на него, мы и обязаны тѣмъ сугубымъ вздоромъ, который наговорилъ онъ въ своей книгѣ о „познавательномъ-теоретическомъ“ материализмѣ. Но, наговоривъ о немъ сугубаго вздора, онъ въ своемъ отношеніи къ религіи самъ переходитъ на его точку зрѣнія; и это было бы, конечно, хорошо, если бы наговоренный имъ вздоръ не застилалъ его поля зрѣнія и не мѣшалъ ему совершить указанный переходъ сознательно и не грѣша противъ логики.

Если бы этотъ переходъ совершился у него сознательно, то и приведенное нами положеніе, гласящее, что опытъ суживаетъ область религиознаго вѣрованія, приняло бы у него гораздо болѣе правильный видъ: оно гласило бы, что накопленіе знаній лишаетъ почвы религиозныя вѣрованія; но дѣлаетъ это только въ той мѣрѣ, въ какой существующій порядокъ не мѣшаетъ распространенію знаній и пользованію ими для критики взглядовъ, унаслѣдованныхъ отъ старыхъ временъ. Именно это и говоритъ современный *материализмъ*, который отчасти принимается нашимъ авторомъ,—какъ *историческій* материализмъ,—а отчасти отвергается имъ подъ именемъ *познавательномъ-теоретическаго*.

Да и отвергается-то онъ имъ, можно сказать, совсѣмъ „безъ понятія“. Такъ, напримѣръ, рассуждая о Гегелѣ, онъ пишетъ: „Для Гегеля вещи и ихъ развитіе были все еще только олицетворенными отраженіями существующихъ гдѣ-то, еще раньше міра, „идей“, а не результатами своего собственнаго мышленія, не болѣе или менѣе абсолютными отраженіями дѣйствительныхъ вещей и процессовъ“ (стр. 249). Что значить „абсолютное“ отраженіе, намъ неизвѣстно, и вообще мы находимъ, что весь этотъ отрывокъ написанъ очень нескладно. Одно ясно: г. Лютгенау съ Гегелемъ несогласенъ и полагаетъ, что вещи и ихъ развитіе суть „отраженія дѣйствительныхъ вещей и процессовъ“. Но вѣдь это есть не что иное, какъ неприятный ему „познавательнo-теоретическій материализмъ“. Ахъ, какой пассажъ! Извольте, послѣ этого, толковать съ г. Лютгенау о материализмѣ: вѣдь онъ и самъ не знаетъ, что это такое.

Обо всемъ этомъ можно было бы не распространяться, если бы не слѣдующее интересное обстоятельство. Г. Лютгенау принадлежалъ когда-то къ германской социаль-демократіи. Его книга вышла по-нѣмецки, — если память намъ не измѣняетъ, — въ 1894 году, т. е. не задолго до начала такъ называемаго „пересмотра Маркса“. То, что онъ говорилъ въ ней объ отношеніи историческаго материализма къ „познавательнo-теоретическому“, свидѣтельствовало о томъ, что онъ находился подъ влияніемъ философскихъ идей, господствовавшихъ и продолжающихъ господствовать въ средѣ идеологовъ германской буржуазіи. Но мы не помнимъ, чтобы кто-нибудь изъ теоретиковъ его тогдашней партіи обратилъ на это хоть какое-нибудь вниманіе; это всѣмъ казалось чѣмъ-то совсѣмъ не важнымъ или даже вполне естественнымъ. А когда начался „пересмотръ“, то господа, взявшіеся за него („ревізіонисты“) опирались, между прочимъ, какъ разъ на тѣ философскія идеи, влияніе которыхъ испыталъ на себѣ г. Лютгенау, да, конечно, и не онъ одинъ. Это показываетъ, какимъ образомъ *подготавлился* ревізіонизмъ, какъ прокладывалъ онъ себѣ дорогу въ умы членовъ партіи, въ то время, когда г. Верштейнъ еще не высказывалъ никакихъ сомнѣній въ правильности Марксова ученія. Объ этомъ стоитъ подумать русскимъ марксистамъ: въ ихъ средѣ теперь не мало людей, занимающихся провозомъ той философской контрабанды, которую провозили когда-то въ головы германскихъ социаль-демократовъ г. Лютгенау и подобные ему непослѣдовательные мыслители ¹⁾. Само собою понятно, что въ борьбѣ съ этой контрабандой можетъ сдѣлать что-либо только одинъ стражникъ: логика. Но *этотъ-то* стражникъ во всякомъ случаѣ не лишній, и ему-то надлежитъ бодрствовать.

Переходя ко взгляду г. Лютгенау на возникновеніе и развитіе рели-

¹⁾ Какойнибудь г. Юшкевичъ, какъ говорится, *ничѣмъ не хуже* г. Лютгенау (я имѣю въ виду, разумѣется, *только философію*).

гіозныхъ вѣрованій, мы должны признать, что даже тутъ нашъ авторъ только отчасти справился со своею, правда, очень трудной задачей: дать этому возникновенію и развитію матеріалистическое объясненіе. Если въ философіи онъ готовъ былъ дополнять Маркса и Энгельса *Кантомъ*, то здѣсь онъ дополняетъ ихъ *Максомъ Мюллеромъ*. И такимъ дополненіемъ онъ, какъ и въ первомъ случаѣ, только портитъ дѣло.

Онъ говоритъ: „Мнѣ возникаетъ просто изъ языка“ (стр. 12) и поясняетъ эту свою мысль,—т. е. мысль своего авторитета, Макса Мюллера,— слѣдующими словами этого послѣдняго: „Мы знаемъ, что Эось (по гречески—утренняя заря) соответствуетъ санскритскому Ushas, и что ushas происходитъ отъ корня Uas, что значить свѣтить. Эось, слѣдовательно, первоначально называлось „свѣтящее“ или „свѣтящій“ или „свѣтящая“. Кто же было это оно, онъ или она? Здѣсь мы можемъ прямо наблюдать неизбежное рожденіе мнѣа. То, что познается нашими вѣшними чувствами и что мы можемъ назвать, есть только слѣдствіе; это—своеобразное освѣщеніе неба, отблескъ наступающаго утра или, какъ мы сказали бы теперь, рефлексъ преломляющихся въ облакахъ солнечныхъ лучей. Но такъ, разумѣется, не думали древніе. Составивъ такое слово, какъ Эось, означющее свѣтящее или свѣтъ, они должны были пойти дальше и говорить: Эось возвращается, Эось ушла, Эось снова пришла, Эось будить спящихъ, Эось удлиняетъ нашу жизнь, Эось старитъ насъ, Эось поднимается изъ моря, Эось—дочь неба, солнце идетъ вслѣдъ за Эось, солнце любитъ Эось, солнце убиваетъ Эось, и т. п. Что все это означаетъ? Вы можете сказать, что это—языкъ, это, конечно, мнѣа и притомъ мнѣа неизбежный“ (стр. 13). Къ этимъ разсужденіямъ М. Мюллера г. Лютгенау прибавляетъ: „На вопросъ о сущности мнѣа можно, между прочимъ, отвѣтить такъ: онъ есть естественная и необходимая ступень развитія языка и мышленія. Это, разумѣется, отнюдь еще не достаточное опредѣленіе“ (та же стр.). Дѣйствительно, „недостаточное“. Но главное—то, что даже и это недостаточное опредѣленіе могло бы навести г. Лютгенау на нѣкій полезный вопросъ. Онъ могъ бы, — и даже долженъ былъ бы, — спросить себя: нельзя-ли *сократить* это опредѣленіе; нельзя-ли просто сказать: мнѣа есть необходимая ступень развитія мышленія.

И если бы онъ безъ предубѣжденія вдумался въ этотъ вопросъ, то увидѣлъ бы, что сказать такъ въ самомъ дѣлѣ можно. Мы и теперь, подобно нашимъ очень-очень отдаленнымъ предкамъ, говоримъ: солнце сѣло, луна взшла, вѣтеръ утихъ и т. д., но, выражаясь такъ, мы уже не думаемъ,—какъ думали эти очень-очень отдаленные наши предки: что солнце луна, вѣтеръ, и проч. суть живыя существа, одаренныя сознаниемъ и волей. Выраженія остались тѣ же, а представленія, связанныя съ ними, стали совсѣмъ другія; прежде характеръ этихъ представленій и вообще мышленія *благоприятствовалъ* развитію мнѣовъ, теперь онъ совсѣмъ *неблаго-*

приятель для него; значить именно характеромъ мышленія, свойственнаго первобытному человѣку, и объясняется возникновеніе мифовъ, и нѣтъ надобности повторять каковъ именно этотъ характеръ: мы уже сказали что первобытный человѣкъ *одушевляетъ* окружающій его вѣдшій міръ. Все дѣло состоитъ теперь только въ томъ, чтобы выяснять себѣ, почему же это такъ? Почему первобытному человѣку свойственно именно такое мышленіе? А на это отвѣтить не трудно. Характеръ мышленія въ послѣднемъ счетѣ опредѣляется тѣмъ запасомъ опыта, которымъ человѣкъ располагаетъ. У первобытнаго человѣка запасъ опыта очень невеликъ; но, поскольку онъ существуетъ, онъ относится главнымъ образомъ къ *животному міру*: первобытный человѣкъ уже очень рано становится *рыболовомъ* и *охотникомъ*. Конечно, и на этой, очень ранней, ступени своего существованія человѣчество имѣетъ дѣло также и съ „неодушевленной“, природой: вѣдь и въ то время оно испытывало на себѣ дѣйствіе тепла, влаги, свѣта и т. п. Но, испытывая на себѣ это дѣйствіе и стараясь *понять, объяснить* себѣ его, оно по необходимости *судило о неизвѣстномъ по извѣстному*, а извѣстенъ ему былъ, какъ уже сказано, главнымъ образомъ животный міръ такъ называемыхъ *одушевленныхъ* предметовъ, не удивительно, что онъ счелъ одушевленной и всю остальную, гораздо менѣе извѣстную ему природу. И чѣмъ меньше была извѣстна ему эта остальная природа,—которую онъ по необходимости представлялъ себѣ тогда одушевленной,—тѣмъ больше простора оставалось для работы его воображенія. Воображеніе создало цѣлый рядъ разсказовъ, объясняющихъ великія явленія природы дѣятельностью того и другого одушевленнаго существа.

А изъ такихъ разсказовъ и состоитъ, то, что называется *миѳологіей*. Но надо замѣтить, что г. Лютгенау сильно ошибается, когда утверждаетъ что первобытный человѣкъ всегда говоритъ о *богахъ*, какъ о *людяхъ* (стр. 17). И не менѣе ошибается онъ, прибавляя, что „намъ“ извѣстно, *почему* обоготворяемые людьми явленія природы представлялись въ видѣ людей (таже стран.). *Этого* нельзя знать, потому что *этого не было*. Объясняя великія явленія природы дѣйствіемъ живыхъ существъ, дикарь чаще всего представляетъ себѣ эти существа въ видѣ *животныхъ* а вовсе не въ видѣ *людей*, это до такой степени вѣрно и такъ, повидимому общезвѣстно, что прямо удивительно, какъ могъ г. Лютгенау не знать или упустить это изъ виду. Положимъ, что въ качествѣ филолога, онъ вообще не расположенъ обращаться къ этиологій, о чемъ и самъ заявляетъ въ своей книгѣ, но для всего есть предѣлы. Сказать, что великія явленія и силы природы представлялись первобытному человѣку только въ видѣ людей, значить закрыть себѣ путь даже къ пониманію, наприимѣръ, такой, далеко еще не первобытной религіи, какою была религія Египта времянь фараоновъ.

Максъ Мюллеръ мало помогъ г. Лютгенау въ его попыткѣ матеріалистическаго объясненія религіи. Наротивъ, *филологія* скорѣе помѣшала нашему автору обратить надлежащее вниманіе на *технологію*, т. е. на то, какимъ образомъ міеологія видоизмѣняется вслѣдствіе роста производительныхъ силъ, увеличенія власти человѣка надъ природой. Тѣмъ, которые будутъ читать разбираемую нами книгу, мы очень свѣтуемъ не забывать объ этомъ ея пробѣлѣ ¹⁾.

Другимъ ея недостаткомъ является излишній *схематизмъ* изложенія. Г. Лютгенау такъ изображаетъ ходъ развитія религиозныхъ вѣрованій, какъ будто бы „естественная“ религія, — „отраженіе зависимости человѣка отъ природы“, — могла быть отдѣлена рѣзкою гранью отъ „соціальной“ религіи, которая является отраженіемъ той же зависимости „отъ общественныхъ силъ, сущность и характеръ дѣйствія которыхъ ему (человѣку Г. П.) неизвѣстны“. Но такой грани не существуетъ. И это нетрудно доказать съ помощью тѣхъ самыхъ соображеній и опредѣленій, которыя выдвигаются г. Лютгенау. Такъ, напримѣръ, онъ справедливо замѣчаетъ, что область *религіи* гораздо уже области *міеологіи*. Не вся міеологія есть религія, — говоритъ онъ; — и только тѣ объекты, которые способны вліять на моральный характеръ человѣка, имѣютъ право называться религиозными“ (стр. 38). Здѣсь неудачно выражена мысль сама по себѣ правильная: религія въ широкомъ и, пожалуй, болѣе точномъ смыслѣ этого слова дѣйствительно возникаетъ только тогда, когда общественный человѣкъ начинаетъ искать у бога или у боговъ санкціи для своей морали или вообще для своихъ дѣйствій и учрежденій ²⁾, но мораль есть явленіе *соціальное*, поэтому, освящая предписанія морали и вообще данныя общественныя отношенія людей, религія тѣмъ самымъ пріобрѣтаетъ „соціальный“, т. е., по русски, *общественный*, — характеръ. Нашъ авторъ и самъ сознаетъ это, онъ говоритъ: „съ самаго начала уже въ аналогіи между человѣческимъ и божественнымъ образомъ жизни, между отношеніемъ отца къ своему ребенку и бога къ человѣку и т. п. заключается неизбѣжный элементъ соціальной религіи“ (стр. 133). Именно такъ! И

¹⁾ Этотъ пробѣлъ нисколько не устраняется тѣмъ, что сказано нашимъ авторомъ, напримѣръ, о вліяніи *обмѣна* на религиозныя представленія. Мы говоримъ теперь не объ *экономіи*, а о *техникѣ* производства. Вліяніе этой послѣдней на первобытную *міеологію*, вѣроятно, не менѣе сильно, нежели ея вліяніе на первобытное *искусство*. Эта же сторона дѣла почти совсѣмъ не затронута въ книгѣ г. Лютгенау, и въ этомъ виновато прежде всего его пренебрежительное отношеніе къ матеріалу доставляемому современной этнологіей.

²⁾ Подъ религіей въ узкомъ смыслѣ мы понимаемъ то, что Тэйлоръ называетъ: *минимумъ религіи*, т. е. вообще вѣру въ существованіе духовъ Первоначально такая вѣра не имѣетъ никакого вліянія на дѣйствія людей, и тогда она не имѣетъ ровно никакого значенія, какъ „факторъ“ общественнаго развитія.

именно потому *нельзя* изображать „естественную“ религію, какъ будто бы она составляла отдѣльную фазу религіозной эволюціи, или,—если хотите,—*можно*, да только, напримѣръ, Тэйлору, по мнѣнію котораго религія (въ своемъ *минимальномъ* видѣ) существуетъ *даже тамъ*, гдѣ миѣны еще не начали освящать собою предписанія морали; что же касается г. Лютгенау, для котораго религія существуетъ *только тамъ*, гдѣ совершилось это соединеніе миѣологии съ моралью, то онъ долженъ былъ бы съ первыхъ же страницъ своего изложенія стараться обнаружить связь между *общественными отношеніями* людей съ одной стороны и формами ихъ *религіозныхъ* вѣрованій—съ другой. Обнаруженіе такой связи было бы полезно для него, между прочимъ, и для выясненія того, что можно было бы назвать ролью религіознаго „фактора“ въ исторіи человѣчества. Но г. Лютгенау не считель нужнымъ хорошенько выяснитъ себя и читателю эту связь. Поэтому,—и вопреки его собственному мнѣнію,—„естественная религія является въ его изложеніи, какъ бы независимой отъ „соціальной“ формы. То же самое приходится сказать и объ „антропологической“, а также и о „психологической“ религіи. Нашъ авторъ и эти „религіи“ излагаетъ, какъ нѣчто совершенно отдѣльное, самостоятельное. Въ интересахъ анализа онъ нарушаетъ живую взаимную связь явленій и потомъ забываетъ *возстановить* эту связь въ интересахъ *синтеза*. Неудивительно, что его изложеніе оказывается почти лишеннымъ всякой внутренней связи. Его книга представляетъ собою, въ своихъ отдѣльныхъ главахъ, собраніе болѣе или менѣе цѣнныхъ данныхъ для матеріалистическаго объясненія „религіознаго феномена“,—какъ выражаются теперь французскіе изслѣдователи,—но *стройнаго объясненія* этого „феномена“ въ ней мы не находимъ.

Однако, повторяемъ, на безрыбѣ и ракъ рыба. Доступная русскому читателю, не знающему иностранныхъ языковъ, литература предмета до такой степени бѣдна, что и книга г. Лютгенау составляетъ въ ней полезное явленіе. Прочитать ее во всякомъ случаѣ не мѣшаетъ.

Еще два слова. Въ главѣ „*религія и этика*“ г. Лютгенау дѣлаетъ нѣсколько очень мѣткихъ возраженій противъ той мысли, что нравственность всегда должна будетъ основываться на религіи. Онъ говоритъ,—какъ гораздо раньше его сказалъ, впрочемъ, Дидро,—что польза, приносимая человѣчеству религіей, похожа на пользу костыля: „кто не нуждается въ костылѣ, тотъ лучше ходить“ (стр. 240—241). Это справедливо. Но справедливость этой блестящей мысли Дидро стала бы еще болѣе очевидной, если бы нашъ авторъ подкрѣпилъ ее указаніемъ на тотъ несомнѣнный фактъ, что въ исторіи развитія человѣчества нравственность возникаетъ *прежде*, нежели люди начинаютъ освящать ея предписанія ссылкой на волю сверхъ-естественныхъ существъ. Этотъ фактъ, конечно, извѣстенъ и г. Лютгенау; но онъ не получилъ въ его книгѣ надлежащаго освѣщенія,

а потому и этот фактъ съ своей стороны не проливаетъ у него на вопросъ объ отношеніи нравственности къ религіи того свѣта, который онъ могъ бы пролить.

Комментируя извѣстное положеніе: „религія—частное дѣло“, г. Лютгенау говоритъ: „для принадлежности къ партіи достаточно, если кто-нибудь убѣдится для себя (?), что онъ раздѣляетъ взгляды и требованія, изложенныя въ программѣ партіи. Такимъ образомъ, при выборахъ въ рейхстагъ 1893 г., христіанскій теологъ могъ быть выставленъ официальнымъ кандидатомъ партіи“ (стр. 289). Это, конечно, такъ. Но надо все таки замѣтить слѣдующее. Программа партіи основывается на совокупности такихъ положеній, которымъ члены партіи приписываютъ строго научное значеніе. И каждый членъ партіи нравственно обязанъ по мѣрѣ силъ и возможности заниматься *пропагандой* этихъ положеній. Спрашивается, какъ ему быть, если въ своей пропагандѣ онъ сталкивается съ системой взглядовъ, объясняющихъ съ помощью „соціальной“ религіи то, что онъ самъ не можетъ объяснить иначе, какъ посредствомъ научнаго социализма? *Говорить противъ* своего убѣжденія? Это было бы лицемеріемъ. *Замалчивать* нѣкоторую часть своихъ взглядовъ? Это было бы лицемеріемъ на половину, т. е. въ сущности такимъ же лицемеріемъ. Остается *говорить правду*,—говорить ее, не раздражая безъ надобности своего слушателя, подходя къ нему тактично и даже педагогично, но все-таки говорить. И опять мы вынуждены сдѣлать здѣсь ту самую оговорку, которую намъ приходилось уже не разъ дѣлать въ этой статьѣ: г. Лютгенау согласенъ съ нами; онъ самъ говоритъ это ¹⁾. Но говорятъ какъ-то мимоходомъ, а когда нужно окончательно формулировать свое мнѣніе, онъ какъ будто склоняется къ противоположной мысли. Такъ, на стр. 274—275 онъ пишетъ: „Самая дѣйствительная агитація будетъ такова: *говорить то, что есть*. Естественное происхожденіе религіи; присоединившаяся потомъ зависимость религіозныхъ представленій отъ экономической структуры общества; факты церковной исторіи; научное изслѣдованіе сущности явленій, непониманіе которыхъ вызвало религіозныя толкованія: все это безусловно вѣрная дѣйствительность, которая разрушить всякое сомнѣніе и всякую фантазію, возникшую изъ незнанія“. Это очень хорошо сказано! Но далѣе авторъ высказывается такъ, что выходитъ, будто никакой агитаціи не нужно,—и не нужно по той причинѣ, что „фантазія“, о которой у насъ идетъ теперь рѣчь, коренится въ современной намъ экономической дѣйствительности и исчезнетъ вслѣдъ за нею. Но это уже совсѣмъ плохой доводъ, онъ напоминаетъ разсужденія анархистовъ и синдикалистовъ: *такъ какъ* политическія учрежденія основываются на производственныхъ отно-

¹⁾ Т. е. былъ согласенъ и говорилъ, пока самъ принадлежалъ къ партіи, а какъ онъ думаетъ теперь, намъ неизвѣстно.

шеніяхъ, *то*, пока существуютъ эти послѣднія, политическая борьба или совсѣмъ бесполезна или даже вредна для рабочаго класса. Въ дѣйствительности, самый ходъ *экономическаго* развитія нынѣшняго общества даетъ надлежащую точку опоры для плодотворной *политической* дѣятельности пролетаріата. И было бы неразсчетливо, было бы просто-на-просто нелѣпо—не пользоваться этой точкой опоры. Совершенно то же надо сказать и о „фантазіяхъ“.

Пояснимъ нашу мысль примѣромъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ во французской партіи былъ негръ Лежитимюсъ, депутатъ отъ острова Мартиники. Злые языки его враговъ говорили, что во время избирательной агитаціи Лежитимюсъ не только держалъ рѣчи на собраніяхъ, но и прибѣгалъ къ *колдовству* для того, чтобы вѣрнѣе обезпечить себѣ побѣду. Это, повторяемъ, не болѣе, какъ злая выдумка; но допустимъ на одну минуту, что это правда. Какъ должна была бы французская партія отнестись къ Лежитимюсу? Исключить его изъ своихъ рядовъ? Но это значило бы обнаружить вредную, непозволительную и въ добавокъ еще смѣшную нетерпимость: вѣра въ колдовство тоже должна быть признана частнымъ дѣломъ. Противъ этого, надѣмся, никто возражать не станетъ. А съ другой стороны, кто изъ бѣлыхъ товарищей чернаго депутата не счелъ бы себя нравственно обязаннымъ привести еще болѣе правильный взглядъ на истинныя причины политическихъ успѣховъ и неудачъ? Кто изъ нихъ не постарался бы вывести его изъ его грубаго заблужденія? Развѣ только недоброжелательные или легкомысленные люди. А вѣдь вѣра въ колдовство, несомнѣнно, тоже имѣетъ свое матеріалистическое объясненіе! Но въ томъ-то и дѣло, что найти для даннаго историческаго явленія матеріалистическое объясненіе вовсе еще не значитъ примириться съ нимъ, или объявить его неустрашимымъ посредствомъ сознательной дѣятельности людей. Не сознание опредѣляетъ собою бытіе, а бытіе—сознаніе. Это такъ. Но въ этомъ еще не весь историческій матеріализмъ. Къ этому необходимо прибавить, что, разъ возникнувъ на основѣ бытія, сознаніе со стороны способствуетъ его дальнѣйшему развитію. Марксъ хорошо зналъ это, высказывая свой извѣстный взглядъ на важное значеніе „критики религіи“.

Г. Плехановъ.